

Эссе помощника Валуйского межрайонного прокурора Татьяны Барковой
на тему «Победа глазами потомков»

«Победа глазами потомков»

Каникулы. Раннее утро. Солнце только-только поднимается над горизонтом. Дед Андрей уже плотничает. Его морщинистые, уже совсем слабые руки мастерят новые модели самолетов. Ребята из соседних домов, приехавшие из города на каникулы и не привыкшие к такому раннему пробуждению, сонно спешат в столярную мастерскую. Новый день, новые истории деда Андрея.

В работе дед Андрей забывал о возрасте, тех горестях, которые выпали на его «бестолковую», с его слов, голову. И всегда мастерил – самолеты. У каждого ребенка в деревне имелась одна или несколько моделей самолетов. И каждая такая модель особенная, не похожая на остальных, будто маленькая копия настоящего истребителя времен Великой Отечественной войны.

Сегодня пополнение в рядах ребятешек «из города». Новенький. Стоит в сторонке. Важничает. Недавно закончил первый класс. Представился Егором.

Тут дед Андрей оживился, как-то задумчиво посмотрел вдаль и начал свою историю:

«В 43-м, закончив летное училище, нас срочно распределили по полкам. Чувство радости и волнения боролись между собой, хотелось на фронт, в небо. Романтика полетов «царила» в кузове нашей «полуторки». Ребята наперебой обсуждали фигуры высшего пилотажа и хвастались своими достижениями. Один из ребят, на вид постарше – молчал и мрачно улыбался. Он был не из выпуска, его подобрали по дороге, звали его Егор. Он всю дорогу задумчиво молчал, поведав нам, что возвращается в полк.

По прибытии на место, строгий сержант на КПП тщательно проверил все бумаги и только после этого впустил нас на территорию авиаполка.

И вот мы свежие летчики с чемоданами наперевес направились к штабному блиндажу. На аэродроме царила рабочая атмосфера: стучали топоры, гудели двигатели самолетов, откуда-то издали доносилась матерная ругань вперемешку со смехом.

Егор показал нам направление и сказал идти за ним.

Нас вызвали на инструктаж, познакомили с механиками и летным составом. Командира полка на месте не было. Чувствовалось нарастающее напряжение и тревога в людях вокруг. Связист нервно сжимая рацию делал запросы, но ответа не было.

Вдруг послышался отдаленный шум. Вдали самолет дымясь, как-то боком, шел неровно, слегка подергиваясь будто раненая птица. Двигатель работал неровно с хлопками, но в какой-то момент машина послушно замерла и пошла на посадку.

Все бросились к самолету, пожарная машина и машина с врачом двинулись наперерез. Один из механиков запрыгнул на пожарную полуторку и с волнением смотрел в сторону самолета.

Я был в толпе тех, кто бежал на помощь. Летчик не без труда и посторонней помощи открыл фонарь кабины самолета и прокричал: «Да живой!!!! Живой я, что мне будет-то. Самолет жалко – новый. На мне ни царапины. Стая молодых мессеров напала, ели отбился!».

Тут же разразился облегченный смех. Ему помогли подняться из кабины, вся гимнастерка была насквозь мокрая. Летчик отмахиваясь от медика усталым, но уверенным шагом двигался в сторону штабного блиндажа. Этот человек своим присутствием сразу внушал какую-то уверенность и давал надежду, отчего где-то там внутри, под гимнастеркой, становилось тепло.

Это был наш командир. Возвращался с важного задания и попал под немецких охотников. Как потом выяснилось от других летчиков, на командира напали четыре мессера. Одного он сбил и после продолжительного боя подбил еще один самолет, после чего остальные вышли из боя, и он с пробитым маслобаком и элеронами, с поврежденным рулем направления, не без труда дотянул до аэродрома. Рацию тоже выбило, поэтому подмоги ждать было неоткуда.

Дело шло к вечеру. Командир познакомившись с каждым из нас, отправил всех в столовую на ужин, с пожеланием поплотнее поесть и хорошо выспаться, потому что завтра нас ждал трудный день.

Утром все полетим на задание. Из-за нехватки летного состава, приказали задействовать весь летный состав.

Мы со смешанным чувством тревоги и радости отправились в столовую. Там я встретил Егора. Он подошел ко мне и предложил быть его ведомым, он просто сказал: «Андрей, мне ведомый нужен, вижу ты парень сообразительный, в полете я тебя не видел, но уверен будешь хорошим ведомым. Ты как, возражения есть?»

Я сразу согласился. Пока ужинали он меня очень детально проинструктировал как себя вести в бою. И как реагировать на различные ситуации в бою: «Держись за мной в звене – не вываливайся никуда. Главное для тебя удержаться за мной, если услышишь в рацию худой на шести, или шесть худой – сразу делай маневр уклонения, даже если не видишь где он. И самое важное – постоянно осматривайся! Крути головой, гашетку не зажимай, смотри куда стреляешь, стреляй только наверняка. 200- 150 метров – почти вплотную, если не достаешь и видишь на шесть, у товарища вражескую машину, можешь просто дать пару трас, чтобы спугнуть – не обязательно сбивать, главное прикрыть товарища и выполнить общую боевую задачу – понял?!».

От всех наставлений сразу голова шла кругом. Стало не по себе от того, с какой внезапной серьезностью в глазах говорил Егор мне эти наставления, но я моча кивнул.

Тревога перед завтрашним вылетом начала побежать радость и беспечность юности. Мы все до одного ворочались всю ночь. Я так и не смог заснуть.

И вот утро! Вот этот час! Мы наспех одевшись, выбежали на летное поле. На построении командир объяснил боевую задачу: «Перехватить вражеские бомбардировщики и не дать им сбросить бомбы на наши позиции».

Все разбежались по своим машинам. Взвилась красная ракета, взревели моторы. Волнение ушло. Сконцентрировавшись на приборах и ручке, я пошел на взлет и встал на курс за своим ведущим.

Набрали высоту. Летели молча около 30 минут.

И вдруг молчание нарушил спокойный, уверенный голос командира: «Слушай меня! На тринадцать часов ниже нас. Верхняя группа – вяжем ястребов, нижняя за мной! Атакуем цель!».

Посмотрев вниз я поначалу ничего не увидел. Но вот из-за облака показались сгруппированные точки. Точки летели строем. Истребителей видно не было.

Голос в радиии: «Спокойно, Андрюха! Мы на истребителях – смотри в оба – назад посматривай!».

Мы остались наверху. Группа ниже нас уверенно ринулась в атаку на юнкерсы. Командир сходу сбил их ведущий самолет, строй юнкерсов рассыпался. Они начали сбрасывать бомбы в поле и спешно разворачиваться. Другие наши истребители подоспели к отходящим юнкерсам и начали их сбивать одного за другим – зрелище конечно было захватывающее, но я все же вертел головой и лишь иногда поглядывал вниз. Вдруг я увидел, как один из наших подошел слишком близко к юнкерсу и загорелся – его достал бортовой стрелок. Пробежал холодок и пришло осознание, что это настоящий бой и даже бортовой стрелок юнкерса опасен.

Егор вдруг заложил вираж, крича в радию: Андрюха, прикрой!! Атакую!!! Худые внизу на одиннадцать часов – идут к нашим!!!».

Испытав сильную перегрузку – я едва успел повернуть до своего ведущего. Радию резануло: «Сотка у тебя худой на шести!!! Сотка уходи!!!».

Секунду промедлив и поняв, что сотка это я, тут же сделал размазанную бочку и пошел левым виражом к Егору. Оглянувшись я не увидел никого сзади себя, и подумал, что тревога была ложной я сконцентрировался на передней полусфере. Я повернул голову и увидел трассу слева кабины, над крылом, как будто издалека и по нарастающей услышал его рев - рев мессера, отчего волосы на макушке стали дыбом. Он был подо мной в двухстах метрах и держался в «мертвой» зоне. Подлетал поближе, чтобы наверняка.

На миг, опять – сковывающий холод пробежался от затылка по спине. Секунду промедлив – заложил резкий вертикальный вираж. В глазах потемнело, крикнул в радию: «Я сотый под атакой, прикройте!».

Враг не отставал – по всему было понятно, что за мной открыл охоту опытный летчик. Не стрелял почему зря – подлетал все ближе и ближе.

Снова трасса скользнула уже справа и над кабиной. Я снова заложил диагональный вираж и пытался пропустить немца вперед – как учили в учебниках. Но враг попался не промах. Третья трасса уже попала в цель. Послышался стук по левому крылу, как будто по нему дали кувалдой. Мельком глянув на крыло я увидел

вспышку и дыру в обшивке. Лонжероны не перебило, но самолет стал заваливаться на это крыло. Почти отчаявшись, я вдруг услышал уверенный голос в радиации: «Андрюха, держись!!!! Давай влево и вверх!!! Щас я ему!!!!».

Я дал, что было силы влево и потянул вверх. Самолет неуверенно, но послушался – повреждения очевидно были серьезней, чем я думал. Озираясь по сторонам, я отчетливо увидел сзади вражеский мессер совсем близко и даже успел рассмотреть лицо вражеского летчика. Он тянулся за мной, и прицеливался, чтобы добить. Прищурился и слегка высунув язык – не спешил – был уверен в победе. И тут раздался грохот – у мессера отлетела половина крыла и загорелся двигатель.

В радиации раздался уверенный голос командира: «Слушай меня! Задачу выполнили! Выходим из боя. Обратный курс. Обе группы за мной».

По пути обратно все время кренило влево. Когда увидел аэродром, как-то сразу появились силы, и я смог кое как посадить израненный самолет.

На земле, откинув фонарь кабины, понял, что сил выбраться из нее у меня не осталось. Осознание, насколько я был близок смерти накатывало волнами. Подбежал механик, тревожно оглядывая машину, спросил не ранен ли. Я повернулся. Он с облегчением вздохнул и начал тихонечко, себе под нос ворчать: «Ты посмотри сколько дырок насобирал! Это ж я до утра буду колупаться!! Ё-мое! Ну везучий ты парень!».

Подошёл Егор и сказал: «С первым боевым вылетом тебя! Такая вот у нас работа теперь - Родину защищать! В день по пять- шесть боевых вылетов бывает, так что привыкай! Держался хорошо! Рот не разевай, внимательней! Сработаемся!! Давай за мной, на завтрак, а то не ровен час поесть не успеем - опять полетим».

Дед Андрей замолчал. Ребята ближе сбились к столу, за которым мастерили макет самолета и как-то стихли, каждый в своих раздумьях. Егор же стоял в сторонке, сказал: «Меня в честь прадеда называли. Он всю войну прошел. После войны летчиком-испытателем был. Хочу, как он, летчиком стать!».